

Золотое слово

Герман Арутюнов

ВЕЧНЫЕ ЦЕННОСТИ

Для тех, кто любит думать

Герман Рафаэлевич Арутюнов

Вечные ценности

Серия «Золотое слово»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=45193173

Вечные ценности: Интернациональный Союз писателей; Москва; 2019

ISBN 978-5-00153-129-6

Аннотация

Вечные ценности определяют образ жизни каждого из нас, хотим мы того или нет. **Они как бы опыляют нашу жизнь, как пчелы опыляют растения.** Они входят в наше сознание с детства и влияют на все наши поступки, на нашу судьбу. Это навигаторы, которые не видны, но, влияя на наше сознание, помогают ориентироваться в момент выбора и принятия решений, поддерживает нас в сложные минуты. Мы не задумываемся об этом, но определенное количество вечных ценностей, усвоенных нами с детства, всю жизнь сохраняют для нас лестницу в небо, работают в нас как крылья, позволяющие парить над землей. Они формируют наш духовный рейтинг, наше творческое лицо. И наоборот, отказ от них поворачивает нас в сторону тьмы, заставляя больше смотреть себе под ноги и думать о выгоде. Что делает нашу жизнь яркой и запоминающейся? Ощущение, что есть в ней нечто загадочное, необъяснимое, непостижимое. Как в истине, как в пламени костра, как в

однообразном и повторяющемся накатывании волн житейского моря. Вечные ценности, как эти волны, движутся мимо нас, повторяясь, как движение стрелки на циферблате невидимых часов. Что собой представляют эти ценности, почему их называют вечными и как влияют на нашу жизнь? Об этом размышляет автор этой книги, не навязывая своего мнения, но предлагая задуматься. Об этом же говорит надпись на обложке книги: «Для тех, кто любит думать»

Содержание

Предисловие	9
От автора	14
Вертикаль крещения	26
«Простая жизнь»	38
Простые вещи	59
Простая еда	69
В поисках смысла	78
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Герман Арутюнов

Вечные ценности

© Герман Арутюнов, 2019

© Интернациональный Союз писателей, 2019

* * *

Арутюнов Герман Рафаэлевич (р. 1950) – литератор, лауреат областного конкурса Союза журналистов СССР, член Союза журналистов СССР (с 1982 г.), Московского Союза

литераторов (с 2000 г.) и Союза писателей России (с 2010 г.). Автор нескольких книг и сотен статей в самых разных изданиях на темы загадок природы и творчества.

По призванию – исследователь.

По образованию – журналист (факультет журналистики Московского университета), искусствовед (народный Университет культуры, лекторская школа МГУ), по увлечению – уфолог (практическое изучение аномальных явлений в течение 15 лет).

30 лет работал в журнале «Природа и человек», вел рубрики «Познай себя» и «Взгляд за горизонт», открыл при журнале Центр духовного развития «Сфинкс», в котором за 10 лет прошло более 120 круглых столов, посвященных загадкам бытия. Параллельно 5 лет работал в журнале «Народное творчество», изучая феномен русского обряда.

По соционике – генератор идей.

Призвание – делать открытия, ставить взгляд, будить фантазию.

Планы – книги по искусству, музыке и народному творчеству.

Живет в Москве.

Написанные и изданные книги:

«Взгляд за горизонт», ТОО «Природа и человек», Москва, 1995 г., 478 стр., Сборник очерков о природе загадочного.

«Твои 12 месяцев», ТОО «Природа и человек», Москва,

1996 г. 240 стр. Книга лирических зарисовок о природе.

«Число судьбы», ТОО «Природа и человек», Москва, 1997 г. 190 стр., Сборник очерков о роли чисел в судьбе человека.

«Мельница счастья», Издат. полигр. группа «Эребус», Москва, 2008 г. 48 стр., Книга-альбом о художнице К.Деминной.

«Войди в картину», ООО «Блок-информ-пресс», Москва, 2008 г., 320 стр. Книга о русском художнике Ю.Сергееве.

«Огонь, мерцающий в сосуде», ООО «Алвиан», Москва, 2010 г., 304 стр. Книга о красоте и творчестве.

«Часослов бытия», ОП Производственно-издательский комбинат «ВИНИТИ»-«Наука», Московская область, г. Люберцы. 2014 г., 544 стр. Книга о цикличности нашей жизни, о нашем предназначении, о времени, как механизме превращения жизни в бытие.

Предисловие

Как часто в жизни мы просто живем, живем обычной земной жизнью, в беспрестанных делах, заботах, а кто-то рядом с нами все время делает открытия. А мы не удивляемся этому, даже не замечаем. С одной стороны, потому что открытия делают дети, а мы, взрослые, сами открытия делать перестали. А с другой... наверное, потому что **видеть в обычном необычное** – это Божий дар, который не всем дается.

У Германа Арутюнова этот дар есть. Я тридцать пять лет выписываю журнал «Природа и человек» и в 1988 году сразу заметил в нем появление нового автора. Первая его статья «Я мыслю образами» была посвящена женщине-факиру Светлане Тим. Помню, меня тогда поразило **его открытие**: среди причин, почему хождение по острым саблям не причиняет ей вреда, он выделил мысль о единстве «поля», которая помогала факиру. Светлана представляла себе, что ее тело и сабли – это единая среда. Точно так же как йог, перед тем как выпить соляную кислоту, представляет себе, что он и кислота – это одно целое. И кислота не причиняет ему вреда.

Открытие было вроде бы не глобальным, касалось редкого, нетипичного явления. Ну в самом деле, многие ли из нас ходят по саблям, а поэтому так ли уж важно, что помогает не порезаться? И в то же время мысль о единстве «поля» ему тогда показалась интересной, пошли аналогии. Сра-

зу вспомнились слова Маугли «мы с тобой одной крови, ты и я» из «Книги джунглей» Р. Киплинга, слова, которые помогали снимать все различия, напоминая о единой природе всего и вся на этой планете. То есть узкое единичное явление (хождение босиком по саблям) вывело на всеобщность.

Так вот и теперь Герман пишет о вечных ценностях, вроде бы привычных для всех нас понятиях, но в каждой главке свои открытия и **в каждой один и тот же «мотор» – повторы**. Кто из нас задумывался о повторах как о механизме преобразовании материальной энергии в духовную? Почему в компьютере повторы не рожают ничего нового (для этого нужна новая программа), а у живых существ при повторах (например, мама-волчиха учит волчат охотиться) возникают новые качества?

Оказывается, при определенном количестве повторов происходит переход количества в качество. Скажем, шаман, чтобы вызвать дождь, танцует вокруг костра и бьет в бубен. Сколько кругов он должен сделать и сколько раз должен ударить в бубен, чтобы пошел дождь? А это зависит от многого: его состояния (запас энергии) и настроения, состояния среды (костер, публика, музыка, погода), каких-то мелочей (удобные унты, добротная малица), чистоты настройки на иные миры. Но чтобы все это сработало, он должен танцевать, делая одни и те же движения, совершать повторяющиеся круги вокруг костра, Тогда на каком-то витке «цепь замкнется и по ней пойдет ток».

Так и с вечными ценностями... Сколько раз каждая из них должна прокрутиться в сознании ребенка, чтобы стать ценностью и тем более вечной, то есть превратиться в оберег? Никто не скажет. Но одно точно: если не пропускать их через себя, не осмысливать, не обсуждать, **если не включать механизм повторов – ничего не будет.**

Повторы действуют не только в священных и намоленных местах (святылищах, храмах, мемориалах), где совершаются чудеса, но и в толще самой обычной жизни, которой все мы живем. Известна общая для всех фраза, с которой обращаются к каждому из нас и которую каждый из нас не однажды произносит: *«Сколько раз я тебе говорил (говорила), а ты только сейчас делаешь...»* Потому и делают, что сколько раз говорили... Неважно, после скольких раз доходит, – важно, что без повторов дошло бы не скоро. Или вообще бы не дошло.

Почему во всех монастырях монахи по много раз переписывали священные книги? По той же причине – чтобы сработал **священный механизм повторов**. Почему в тибетских храмах монахи постоянно крутят барабаны с записанными на них изречениями мудрых? По той же причине – чтобы сработал священный механизм повторов. Почему последователи Хари Кришны постоянно поют одни и те же мантры? По той же причине – чтобы сработал **священный механизм повторов**. Почему я сейчас все это повторяю? По той же причине – чтобы сработал **священный механизм**

повторов.

Странно, что о таких, казалось бы, очевидных вещах никто не говорит и не пишет. То есть, конечно, говорят и пишут, но не выделяя повторы как волшебный механизм. Так делает автор этой книги, спокойно, рассудительно, без архимедовского выскакивания голым из ванной и криков «эврика!», но последовательно и, повторяясь, зная, что повторы сами сыграют свою роль.

Как в забавном ирландском лимерике (шутливом стихе):

*Жил на свете ревнивый супруг.
Запирал он супругу в сундук.
И на все возраженья
Тихо, без раздраженья,
Говорил ей: «Пожалте в сундук!»*

Георгий Дьяченко, историк, философ

**То ценное, что накапливает, отбирает и передает са-
му жизнь**

От автора

Все ищут рецепт лучшей жизни. Такой, чтобы чего-то добиться, прожить именно свою жизнь, а не чужую, реализовать свои возможности, причем не преступным путем, а достойно, приумножая количество не врагов, а друзей. Оказывается, не надо ничего изобретать и придумывать что-то новое: все новое – это хорошо забытое старое. **Нужно пропускать через себя вечные ценности.**

Правда, они, как и народный эпос, имеют свой секрет. Не попадешь в нужный ритм – самая великая ценность покажется ерундой. **С вечными ценностями нельзя обращаться бесцеремонно, с ними надо церемониться,** то есть читать про них, осмысливать их, обдумывать.

Это не фастфуд, это духовная пища, отобранная временем, и потому очень концентрированная, как лекарство и даже как яд. Поэтому желательно усваивать каждую вечную ценность через обряд, ритуал, то есть ряд последовательных повторяющихся действий. Как в кино, где несколько картинок,двигающихся перед нами одна за другой (16 или 24 кадра в секунду), вдруг превращаются в живую картину.

Каждая тема в книге – описание вечной ценности. И каждая ценность (верность, вера, мечта, простая жизнь или вещи из домашнего музея), как часто повторяющиеся слова, так или иначе проявляется в жизни многократно, то есть по-

вторяется, и тем самым как бы заключает сама себя в энергетическое кольцо.

Не случайно великий реформатор Мартин Лютер пятьсот лет назад, истово желая, чтобы **вечные ценности** дошли до людей, начал перекладывать слова Евангелия на стихи-псалмы, а стихи эти, в свою очередь, клал на музыку, надеясь, что все люди когда-нибудь будут петь эти псалмы, пропуская священные слова через свою душу. По сути своей таковы же и все молитвы, которые верующие пропевают в храме или дома. Не потому ли они верят? Повторяют одни и те же слова, неосознанно замыкая их в энергетическое кольцо, и чувствуют нечто высшее, что позволяет ощущать, что за этой жизнью стоит еще какая-то, пока непостижимая для нас.

Вечные ценности – как повторяющиеся вехи вдоль дороги жизни. Мы узнаем эти вехи с детства через рассказы взрослых, и, видя их, нам легче двигаться по дороге собственной судьбы.

Человеку во все времена нужны были какие-то **ориентиры в жизни**. До письменности это были передающиеся из уст в уста негласные правила поведения, духовные ценности, помогающие жить. С появлением письменности у разных народов эти ценности сконцентрировались в виде заповедей, которые были нанесены на каменные доски – **Скрижали**.

До нас дошли 10 заповедей, которые даны Богом Моисею

на горе Синай и вошли в Ветхий Завет. Потом Христос добавил к ним еще одну, объединив смысл предыдущих заповедей: «Да любите друг друга». 10 заповедей Ветхого Завета на скрижалях считаются основой веры.

В изобразительном искусстве знаменитые каменные доски, на которых были записаны заповеди, обычно изображают в виде раскрытой книги или ветхих плит с закругленными верхними углами.

Вечные ценности, записанные на скрижалях, и те, что в скрижали не вошли, но передаются из уст в уста, – это как ось координат или ориентиры, которые не видны, но помогают жить, собраться в момент выбора или принятия решения, защищают от уныния и отчаяния.

Заповеди – это, возможно, самые часто повторяющиеся вечные истины, которые люди всегда пытались передать своим детям и внукам, а те – уже своим. Причем неоднократно повторяя. Поэтому они заключают в себе волшебный механизм повторов, который лежит в основе всех магических обрядов и ритуалов. Каждый повтор – как магнит в замкнутом энергетическом кольце, придающий ускорение движущемуся по кольцу предмету.

Не случайно в нашей жизни есть такое понятие как дежавю (в переводе с французского означает «уже виденное»). Это **повторяющиеся** действия, когда кажется, что что-то подобное уже было. Это психическое состояние, при кото-

ром человек, находясь в определенном месте и в определенное время, испытывает ощущение, что он уже был в такой ситуации, и в этот момент ему все кажется знакомым.

Не случайно впечатление от дежавю может быть таким сильным, что воспоминания о нем сохраняются на годы.

Потому что включаются высшие слои нашей психики, которые играют очень важную роль в жизни.

Парапсихологи объясняют дежавю теорией реинкарнации, то есть если человек проживает не одну жизнь, а несколько, то он может вспоминать некоторые эпизоды одной из них.

Генетики объясняют дежавю проще – работой нашей генной памяти, растворенной в крови, которая хранит информацию о жизни всех наших предков вплоть до Адама и Евы.

А мне хотелось бы обратить внимание именно на **повторы**, с которыми связано явление дежавю. Без повторов нет и дежавю. То есть потому и вспоминаются нам ситуации, в которых, кажется, мы уже были, что **повторы у нас в крови как основной механизм жизни, превращающий материальное в духовное.**

Это происходит, поскольку человек – существо сакральное, магическое, помимо материального мира несущее в себе духовные миры. **Повторы же – это тоже нечто магическое, переключающее наше сознание с обыденного на сакральное.**

На повторах строится любой физический труд, который, собственно, наряду с речью и выделил человека из животной среды, озаряя монотонность и однообразие вспышками энергии, как озаряется трение дерева о дерево языком пламени. Тот самый физический труд, без которого невозможно никакое созидание и тем более творчество. К которому в нашем обществе раньше относились с уважением, прививали любовь, а теперь масскультура формирует к нему негласное пренебрежение, если не презрение, все теле-, радио- и газетные рекламы нацеливают на быстрый и легкий успех.

Не случайно в противовес умалению труда энтузиасты создали в Москве театр труда, цель которого – не только вернуть уважение к труду, но и пробудить у молодежи интерес к исконно простым рабочим профессиям: кузнечному делу, плотничеству, гончарству, рукоделиям, чтобы дети вновь стали мечтать о том, чтобы стать геологами, трубочистами, врачами или пожарными.

Театр, где герои – увлеченные люди с горящими глазами,двигающие вперед свое дело, а вместе с ним мир, жизнь. Театр, где снова со сцены звучат слова о том, что высокие цели нужны прежде всего нам самим.

Любой, даже самый скучный, однообразный и монотонный труд, как обряд, магичен и сакрален, пото-

му что несет в себе повторы. Они – как круг свечей, которые зажигают по очереди, и когда все они горят, становится виден сверкающий огненный круг – символ мировой энергии.

На повторах держится стабильность любых действий в нашем материальном мире, будь то движение планет, возникновение и исчезновение целых галактик или движение небесных тел по орбитам. Поэтому и на планете Земля все построено на повторах, начиная с восхода солнца и кончая его закатом. Собственно, и действия каждого из нас, отражая повторы в природе, тоже повторяются: пробуждение, засыпание, движение, еда, сон и так далее.

Чтобы понять
ценность жизни,
нужно хотя
бы раз взглянуть
на нее с
позиции вечности
и с позиции Бога...

Если мы поймем, что повторы не скучны, а часть вол-

шебного механизма жизни, механизма нагнетания энергии и насыщения ею пространства, преодоления границ рутины и воспламенения материи, то это изменит наше отношение к жизни, ко всем ее монотонным повторяющимся моментам, а также к труду, к которому можно относиться не как к тягостной обязанности, а как к источнику энергии.

Тогда талантливые люди, которые сейчас, возмущаясь монотонностью труда и жизни, уклоняются от работы, уходят в загул или идут на преступления, будут, зная, как это делается, извлекать из монотонности энергию и испытывать творческие озарения.

Тогда при монотонном труде не надо будет считать минуты, дожидаясь, чтобы только поскорее все закончилось. Как не испытывали скуки жрецы в храмах Вавилона и Древнего Египта, а также друиды или предки славян в святилищах, от монотонно однообразных повторяющихся действий религиозных обрядов, как не испытывают скуки священнослужители сейчас, участвуя в современных монотонных обрядах, составляющих церковное богослужение.

Вечные ценности – это тоже повторы, но повторы не обычные, а выдающиеся, сакральные, повторы самого важного в жизни – духовного опыта, что выделил человек за всю историю своего развития.

Неспроста ряд психологов полагает, что дежавю играет роль механизма нашей самозащиты. То есть **когда мы находимся в неловкой ситуации или в незнакомом нам**

месте, то автоматически начинаем искать повторы, то есть повторы – какие-то знакомые вещи или предметы, чтобы поддержать свой организм в момент психологического стресса.

Вечные ценности, постоянно прокручивающиеся в нашем сознании, – тоже своего рода механизм духовной самозащиты как нечто устойчивое в противовес изменчивому, зыбкому, сиюминутному, ненадежному. Таким образом, задача любого общества – изменить отношение к ним всех в целом и каждого человека в отдельности, перестать видеть в них торможение и рутину, но прежде – магию повторов, воспаляющих наше сознание.

Двадцать шесть моих эссе (очерков-размышлений) под рубрикой «Вечные ценности» из номера в номер в течение нескольких лет публиковались в журнале «Природа и человек. XXI век», после чего один из читателей написал, что эта тема – находка журнала, потому что *«если еще тридцать или сорок лет назад, когда перед страной все еще стояла цель построить коммунизм и воспитать нового человека, эта тема не сходила у нас со страниц печати и литературы, то есть она не была редкостью, то сейчас модны эгоизм, приколы, идиотизм, ирония, низведение и развенчание всех духовных и нравственных ценностей»*.

Это так. Добро на первый взгляд однообразно и неинтересно. Потому и журналистам, и писателям интереснее писать о зле, а актерам интереснее играть злодеев. И к пого-

ворке «От добра добра не ищут» прислушиваются сейчас немногие, потому что мир катится к пропасти разнообразия, размывания границ и норм. **Мы теперь стремимся одновременно ко всем у**, оставляя на потом то важное, что надо сделать в жизни, забывая фразу короля Пруссии Фридриха Великого (1712–1786): *«Мы хотим всем завладеть, как будто у нас есть время всем обладать»*. Так что **к добру и высоким истинам надо себя понуждать**, потому что, как существуют физические упражнения для тела, это духовные упражнения для души.

Ко злу мы и сами скатываемся, причем без всяких усилий. А вот к добру – путь в гору.

И помощниками на этом пути всегда были, и есть, и будут **ценности, которые принято считать общечеловеческими**. Это те ценности, которые важны во все времена и для всех людей. К ним относятся

**справедливость,
красота,
достоинство,
чувство долга,
добро,
общественная польза.**

Это те ценности, которые важны для духовно развитого человека. И во все времена, для всех наций и для всех видов обществ эти ценности были вечными.

А еще верность и преданность, любовь к детям и своим

близким, к своему народу и Отечеству.

Есть ценности преходящие, которые меняются в соответствии с уровнем, развитием общества. Но именно на вечных ценностях держится мир. И что бы в мире ни происходило, какие бы новшества ни придумывали бы, вечные ценности играют важную роль в жизни каждого человека, каждого из нас. Без них человеку не на что опираться, нет возможности духовно развиваться и чувствовать себя человеком. В добре, красоте и справедливости раскрывается наш духовный потенциал. Без высших ценностей прожить жизнь достойно трудно, если не сказать – невозможно.

А еще к привычным вечным ценностям можно добавить темы, над которыми всегда интересно задуматься:

**простая жизнь,
в поисках смысла,
круг жизни,
вера,
молитва,
песня,
источник,
старые письма.**

Вечные ценности, как любящие ладони, как атмосфера, защищают жизнь на земле

У всех свои вечные ценности. Поэтому каждый, наверное, к известным и устоявшимся ценностям добавляет в течение жизни какие-то свои...

Для рода и семьи это важно – выработать свои родовые ценности, чтобы следующие поколения им следовали и по ходу собственной жизни добавляли что-то свое, обогащая память рода. Это важно, поскольку всегда будет островком здравого смысла среди духовного мусора, который постоянно накапливается вокруг нас.

Спасибо моему другу, русскому художнику Юрию Сергееву за резонанс в мышлении. Наши взгляды на мир и его

проблемы во многом совпадают, мы – единомышленники, поэтому некоторые картины художника – наглядные иллюстрации моих мыслей.

Вертикаль крещения

Какой будет наша жизнь?... Это во многом зависит от ее начала, от первых впечатлений, от первых настроек на окружающий мир. **Очень важно, когда жизнь начинается, эту жизнь заключить в обряд, как картину в раму.** Так делалось в советской школе, когда нас всех принимали в пионеры и комсомольцы. Так делается и сейчас в армии, когда принимается присяга, и в медицинском институте, когда приносится клятва Гиппократата.

Жизнь через обряд как бы сама втягивает людей в себя, чтобы ей было легче, чтобы слаженно работали ее механизмы: механизм армии, механизм брака, механизм врачевания. Везде свои правила игры, соблюдая которые вписываешься в новое для себя пространство, становишься новым винтиком хорошо отлаженной машины. Важно, чтобы везде с приходом нового человека машина не стала давать сбои.

Это как раз говорит о том, что жизнь волшебна, что она не только материальна, что в каждом ее ящичке работает свой волшебный механизм и Главный Механик не хочет, чтобы кто-то эти волшебные механизмы тормозил. Ведь если все механизмы работают в единстве, то в идеале создается такая общая слаженность, что впору забыть, что за этим стоит вообще какая-либо механика, а наоборот: это вся Вселенная по велению Творца дышит одним слаженным ды-

ханием! Люди до поры до времени не видят этой возможной гармонии и понимают необходимость подчинения только в определенном возрасте.

Отсюда вывод: когда мы с самого рождения включаемся в обряд, не только наша жизнь катится, будто смазанное колесо, но и нам потом проще жить, мы легче вступаем в игру, нам легче жить по чужим правилам.

И наоборот: если обряд проходит мимо нас, то жизнь наша тормозится и стопорится, и мы потом нигде не вписываемся. Некрещеный человек, например, в армии требования к себе сержантов и офицеров часто принимает за придирки, а то и за личные оскорбления. А крещеному легче: он понимает, что ради общего порядка надо смириться. А порядок – это нечто божественное.

И тут очень важна роль церкви, которая соприкасается с человеком до армии, до всяких принудительных институтов. И она вырабатывает смирение и терпение, чтобы не спрашивал человек, почему молитва «Отче наш» произносится именно так: «Отче наш, Иже еси на небеси. Да святится имя Твое, да приидет царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли».

И пусть даже тебе это кажется примитивным или неправильным, не спрашивай, почему это так. Тысячу лет люди говорят эти слова, и они действуют, они работают. Почему же ты хочешь сразу сломать этот порядок, не подчинившись ему? То есть привыкни к тому, что **есть некоторые вещи,**

которые не надо понимать и не надо объяснять, а надо просто принять и выполнять.

Ты хочешь общаться с Богом? Так вот, не будет тебе другого пути к Нему, как только через смирение, через принятие того, что Он дал и что сложилось в течение веков. **Пока не станешь произносить слова молитвы и совершать принятые действия без тени сомнения в них**, пока ты эти сомнения из себя не выгонишь, **ничего тебе не будет. И** крещеный человек, бывая в церкви, довольно быстро на своем опыте убеждается, что действительно, как только все сомнения из себя выгоняешь, то сразу чувствуешь некий трепет и становится легко во все верить и принимать многое из того, что раньше отвергалось. А потом умный батюшка тебе и объясняет: *«Да, сын мой, ты потому и не слышал в себе Голос Божий, что не очищал свою душу, загрязненную сомнениями да неприятием. Бог не мог к тебе руку протянуть».*

Древнее славянское значение слова «обряд» – одежда. Обрядовать – значит одевать, то есть последовательно надевать фрагменты одежды, каждый из которых своей формой и украшениями играет свою уникальную роль. В целом же каждый обряд выражает какое-то важное понятие.

Подготовка к крещению – целый ритуал

Обряд крещения, например, отражает как бы двойственную суть человека на земле. С одной стороны, человек несет в себе упорядоченность (хотя бы потому, что мать и отец зачали его и воспроизвели на свет сложившимся упорядоченным способом), а с другой стороны, человек несет в себе хаос природы, первобытное начало, неподчинение никому.

Как у Пушкина:

*Зачем крутится ветер в овраге,
Взмывает пыль и лист несет,
Когда корабль в недвижной влаге*

*Его дыханья жадно ждет?
Зачем от гор и мимо башен
Летит орел, угрюм и страшен,
На чахлый пенъ? Спроси его!
Зачем Отелло своего
Младая любит Дездемона?
Затем, что ветру, и орлу,
И сердцу девы нет закона!*

Так вот и у каждого из нас в душе есть эти дикие уголки, где нет закона. Начинается этот закон, **когда батюшка подходит к ребенку с крестом как с наглядным и величественным символом порядка, символом обряда, ритуала, знаком того, что придется подчинять себя, когда надо.**

При подготовке к крещению (православная церковь отмечает Крещение Господне как праздник 19 января) человека помазывают елеем – маслом, которое предварительно благословляется, освящается. Это символ приобщения к православному миру со всеми его таинствами и каналами связей с Божественным, но и **тоже упорядочивание, встраивание в духовную систему...**

Раньше такое упорядочивание, такое встраивание в систему духовных ценностей совершала советская система воспитания, предлагая идеалы и участие в организациях (октябрята, пионеры, комсомольцы, коммунисты), формируя осознание важности общественного прежде личного. И мы выпол-

няли свой долг: ехали на целину, на картошку, в стройотряды. Это работало. А теперь осталась одна церковь с ее воспитанием смирения, подчинения личных желаний потребностям общества, общественной важности.

В каждом из нас борются хаос и порядок, и когда художник собирается изобразить обряд, то за этим намерением стоит подспудное желание прикоснуться к порядку, к волшебным механизмам, которые работают в любой сфере. Поэтому и говорят, что жизнь – это машина, в ней масса механизмов, или блоков (церковь, политика, тюрьма, спорт, досуг), а люди – это маленькие винтики, работающие в этой гигантской машине, выполняющие ритуал. **И все это работает только потому, что есть механизмы смирения.** Иначе вся машина рухнет.

Наречение ребенка (или взрослого) именем при крещении – еще одна ниточка, привязывающая человека к порядку, укрепляющая смирение и в то же время дающая силу. Во-первых, нарекать принято было в честь святого или святой, чей день был самым близким ко дню рождения младенца. Тогда высокий покровитель, имеющий заслуги перед Богом, может помогать своему подопечному, да и человек потом может постоянно обращаться к нему, так же, как и к своему ангелу-хранителю. Считалось, что, если рубашку, в которой крестили первого ребенка, надевать потом на всех последующих детей, все они полюбят друг друга.

В процессе обряда крещения священник читает ряд мо-

литв о том, чтобы эти воды получили благодатью Святого Духа те свойства освящения и очищения, которые когда-то (когда собирались у Иордана ученики Иоанна Крестителя и пришел к этой реке креститься в ней Сам Господь наш) были присущи реке Иордан.

То есть произнесением одних и тех же тысячекратно повторяющихся слов, относящихся к библейским временам, священник как бы вызывает эти времена, эти события, эту священную реку Иордан, Иоанна Крестителя с учениками и Самого Христа, Который пришел сюда, чтобы окреститься. Вот что такое обряд крещения!

И это мне будет защитой на всю жизнь

После того как взрослый человек (или ребенок) крестился, то есть погрузился в эти воды при словах: *«Крещается раб Божий такой-то (раба Божия такая-то) во имя Отца и Сына и Святого Духа»*, – он выходит из этих вод обновленный и в знак вновь обретенной чистоты облачается в белую одежду.

Затем трижды (повторение – признак любого обряда как бы в знак вечности) совершается шествие вокруг купели: священник идет впереди с крестом, за ним несут ребенка, а хор поет: *«Елицы во Христа крестистесь, во Христа облекостесь»*, то есть те, которые погрузились в Него, теперь как бы одеты Его чистотой.

Затем читается послание апостола Павла, где говорится о том, что мы погружаемся в эти воды для того, чтобы умереть ко всему, что чуждо и Богу, и Христу, и нам самим, и встаем в обновленной жизни.

И, наконец, последнее действие этого обряда – миропомазание.

Миро – это особого рода масло, освящаемое раз в год патриархом вместе с епископами. Оно изготавливается и раздается всем священникам, чтобы они могли как бы из одного источника помазывать крещаемых. И это помазание символично, потому что слово «Христос» в переводе с греческого языка как раз и означает «помазанник».

Крещение от Иоанна Крестителя – известный евангельский сюжет

На картине художника Юрия Сергеева «Крестины» – впечатления от крещения, которое у него состоялось только в двадцать девять лет, когда он был уже взрослым. Его поразила роскошь иконостаса и величие обряда, который окружает крещение.

Юрий Сергеев. «Крестины»

Да и само крещение, если задуматься, сразу возносит нас до небес – маленький человечек получает благословение и пропуск в мир на самом высоком уровне, когда включаются высшие, заложенные в нас Богом программы, так что потом с такого уровня ему будет трудно опуститься до уровня невежды и вандала.

Художника поразила во время его крещения «тощая» свеча. Огромная расписная свеча, всегда стоящая у алтаря. Почти полтора метра в высоту и в ладонь толщиной, она почему-то называлась тощей. Запахи свечей, ладана, величественный последовательный равномерный порядок движений церковнослужителей, сияющее паникадило...

Мы еще так мало знаем об обряде крещения. Как нужно держать ребенка: на вытянутых руках или прижимать к себе, высоко (на уровне души) или низко? Как батюшка должен стоять? Ведь он общается с ребенком на уровне духа. Батюшка мог бы сидеть, а ребенок – лежать. Так нет этого! **Работает дух, раз все стоят вертикально.** И вообще в нашей православной церкви все делается вертикально, душа трудится, работает дух. И службы длятся по пять-шесть часов подряд. Для католиков, которым в костеле предоставляются скамьи и скамеечки для ног, это тяжело. А нашим православным такой труд не в тягость, а если у нас скамейки, то для больных и немощных...

Важно, что маленький человечек этой вертикалью заря-

жается в храме на всю жизнь, получает закалку, как раскаленный брусок, который кузнец опускает в холодную воду...

«Простая жизнь»

В некоторых историко-приключенческих фильмах показывают один и тот же кадр: ученые спускаются в какое-то подземелье, пещеру или гробницу, находят там на стене таинственный знак-амулет, подносят к нему такой же знак из металла, накладывают, и... открывается вход в другой мир.

Мы не подозреваем, что сам человек, каждый из нас может быть таким же знаком-амулетом, открывающим дверь в другой мир. **Но что нам надо к себе приложить, чтобы эта дверь открылась?** Самое разное: сказать или пропеть какое-то слово или фразу, совершить какое-то движение, действие или несколько движений. Но самое главное – надо остановиться, притормозить тот бег по жизни, которым мы все время бежим. Только тогда в нас станет проглядывать дверь, которую можно открыть. Иногда такой дверью может стать простое сидение у костра, как на картине художника Юрия Сергеева «Простая жизнь».

Ю. Сергеев. «Простая жизнь»

Почему так называется картина? Может быть, потому что простая жизнь и состоит из таких вот простых действий, как сидение у костра, на берегу реки, у подножия горы, в лесу у большого дерева... Мудрецы в разные времена неспроста уходили подальше от людей, на природу, чтобы время от времени иметь возможность **опроститься и стать дверью в другой мир**. К этому стремились философы древности: и Заратустра, и Будда, и Лао-цзы, и Конфуций. Заратустра, например, осознав всю мудрость существующего мироустройства, произнес:

«Ничего нет лучше простой человеческой жизни».

Почему, например, 2,5 тысячи лет греческий философ-киник Диоген Синопский (400–325 год до нашей эры) залез в бочку? Потому что стремился к простой жизни (**чтобы в ней не было ничего лишнего**), как современные ему киники, которые **полагали высшей нравственной задачей человека максимально ограничить свои потребности и вернуться таким образом к своему естественному состоянию...**

Простая жизнь проясняет сознание. Когда Диоген переселился в бочку, к нему приходили со всей Греции, чтобы поучиться мудрости. А он им всем говорил: *«Не живите лишней жизнью. Уберите из жизни все лишнее, как я убрал, и вам станет ясно, что делать вначале, а что потом...»*

Есть легенда, что Диоген, посчитавший дом ненужной роскошью и уже перебравшийся в бочку, тем не менее сохранил для себя кое-какую утварь, в частности ковш для питья. Но когда он увидел, как мальчик пьет воду из пригоршни, отказался и от ковша.

Такой же жизнью стремился жить Сократ (470–399 гг. до нашей эры). Часто, глядя на множество выставленных на продажу вещей, он говорил себе: *«Как много есть на свете вещей, без которых я могу обойтись»*. А когда его спрашивали: *«Сократ, почему ты ходишь в одном и том же хитоне, заплат на заплате?»*, он отвечал собеседнику: *«Потому что ты ходишь в пятнадцати хитонах. И каждый раз, когда куда-то идти, ломаешь голову – какой из хитонов на-*

деть». Эта фраза Сократа актуальна и сейчас – мы тратим все больше времени своей жизни, разбираясь в том лишнем, чем себя окружили. Мало того, это лишнее начинает засорять, замусоривать планету. От свалок уже начинают задыхаться большие города.

Нельзя сказать, чтобы человечество эта проблема не беспокоила. И раньше, и сейчас появляются и отдельные сторонники простой жизни, и целые сообщества, которые не только призывают жить проще, но и на практике стараются так жить. Например, квакеры (Англия) в XVII веке с их «Заповедями простоты» (Testimony of Simplicity), в которых говорится, что каждый человек должен жить просто. Об этом же и целая современная наука фен-шуй – чтобы ничего лишнего. Ее последователи есть уже во многих странах мира.

Последние пятнадцать лет своей жизни, почти перестав писать художественные произведения, к опрощению постоянно призывал всех Лев Толстой. И не только призывал, но и пытался подать пример собственной жизнью: ел самую простую пищу, ходил босой и в простой холщовой рубахе, подпоясанной кушаком. *«Один простой крестьянин, – говорил он, – ценнее целого Министерства чиновников, потому что обеспечивает не только себя, но и их всех».*

Лесосад, созданный приверженцем простой жизни Робертом Хартом, представляет собой не требующую особого ухода систему выращивания еды на основе лесных экосистем, в которую входят фруктовые и ореховые деревья, кусты, тра-

вы, виноград и многолетние овощи. Харт создал лесосад на пространстве 0,12 акра (500 кв. метров) на своей ферме в Венлокэдже, в Шропшире (Англия).

Иногда все просто – живи и радуйся

Все больше появляется туристов, которые ездят по городам мира, ходят только по музеям и галереям, но ничего не покупают: ни вещи (они вскоре будут лишними), ни сувениры (они всегда лишние). Приобретают только впечатления...

Нынче за упрощение жизни ратуют многие участники общественного экологического движения и другие борцы с несдерживаемым потребительством. Сторонники простой жизни уже накопили практический опыт: в начале 1990-х на русский язык были переведены две книжки Элейн Сент-Джеймс «Будьте проще» и «Живите легко и просто!». Главная мысль этих книг – **перестать следовать завышенным стандартам потребления и освободить свое вре-**

мя для более важных дел: общения с близкими, природой и искусством, профессионального развития, любимых увлечений. Основная стратегия – избавление от лишнего: вещей, ненужных телефонных разговоров, денежных трат, привычки еженедельно варить обед на несколько дней или раздувать свой гардероб по советам модных журналов до неуправляемых размеров.

Жилище сторонника «простой жизни» легко отличить по открытым полкам на кухне и прозрачным емкостям для бакалеи: когда все на виду, потребность в сложных способах контроля за припасами и домашней утварью отпадает.

На крохотном острове Форе (часть острова Готланд), где последние годы жил великий шведский режиссер Ингмар Бергман, открылся отель Fabriken Furillen, где в номерах установлены печки-буржуйки, разложены олени шкуры, из тканей – только неокрашенный лен. Мебель грубая, даже не обструганная. В некоторых номерах даже нет электричества, и постояльцы ложатся спать с заходом солнца. Еда простая и непритязательная. И чтобы пожить такой простой жизнью, каждый год сюда приезжает множество туристов.

Мы должны говорить о простой жизни как об оси координат, от которой человек может отклоняться. И начинается это отклонение с отклонений в голове и искаженных представлений о ценностях жизни. В том числе – о лишних вещах, которые нам якобы необходимы. Но нужны ли они на самом деле? И не высшая ли мудрость – обходиться самым

простым и необходимым?

Мы придумали много лишних ценностей, материальных и духовных. А лихие менеджеры уже придумали и постоянно придумывают все новые потребности в них, придумывают, как заставить людей захотеть эти ложные ценности. В каждой компании целые коммерческие отделы ломают голову над тем, как пробудить в человеке желание купить то, что ему на самом деле не нужно. И эта, по сути, преступная и с экологической, и с нравственной точки зрения деятельность не только не наказывается, но и подстегивается маячащими на горизонте будущими прибылями. Беда современного человека в том, что он не замечает, как обрастает кучей ненужных вещей. Дома все больше похожи на вещевые склады. Вещи в гаражах, в сараях, дома в шкафах, на дачах... У некоторых уже музеи можно создавать из ненужных вещей... Некоторые, строя себе большой дом, уже заводят специальную комнату для вещей, которые «я не знаю, куда деть».

Кроме того, что мы обрастаем вещами, у нас еще кучи планов. И зачастую ненужных. И ненужных целей, к которым мы бежим. И ненужных привычек, ненужных дел, ненужных знакомых, ненужных связей. Как у Евгения Евтушенко:

*Со мною вот что происходит:
совсем не та ко мне приходит,*

*мне руки на плечи кладет
и у другой меня крадет.*

Мало того, мы за всем пытаемся уследить, все хотим успеть, догнать, получить... И не понимаем, что тем самым ускоряем время... И оно летит все быстрее и быстрее...

Сама по себе склонность к упорядочиванию, накопительству и собиранию вроде бы безобидна, но вот потом... Как вот в Интернете: найдешь что-то интересное, оно тебе сейчас не нужно, это лишнее, но думаешь: может, потом пригодится, и складываешь в папку... Как хомяки, белки, суслики... про запас... Но, набирая лишнее, мы не замечаем, что **уже вся жизнь уходит на обслуживание этого лишнего...** Это вообще какой-то закон жизни. Обрастание корабля ракушками... Эти ракушки-энергии оседают, цепляются, завихряются. Впрочем, почему только корабля? Даже неподвижная бочка с водой со временем начинает зеленеть...

Капитализм пытается заставить нас торопиться жить, бежать по жизни, потому что когда человек бежит, ему можно заморочить голову и впарить любую вещь. Потому что на скорости не сообразишь, что ценно, что не ценно. С другой стороны, когда бес овладевает человеком (а бес везде, где деньги), он все искажает, все ставит с ног на голову. Почему некоторые бизнесмены и даже олигархи кончают жизнь самоубийством? Потому что многие понятия в их голове оказываются искажены и поставлены с ног на голову.

Капитализм, в который мы все больше погружаемся, только придумывает излишества... Чем больше товаров, зрелищ, развлечений, тем больше шансов увлечь, заинтересовать, заставить купить... Придумывается новый сорт колбасы, пикантный, с ананасом и дичью... Или новый сорт печенья – с коньяком... А это все – новое производство, новые составляющие, новые отходы... Вся Россия, особенно деревня, раньше жила без всяких отходов. Было безотходное производство... Как и сейчас на картине Юрия Сергеева «Простая жизнь»: герои потушат костер, уйдут, и после них ничего не останется, кроме золы... А зола – она полезная, обогащает почву азотом. Да еще очистки да остатки останутся муравьям да мышкам... Останутся только запахи, которые вскоре развеются...

С возрастом человек все больше хочет очиститься от всего лишнего, опроститься. Например, Лев Толстой, Афанасий Фет... Многие начинают чувствовать беспокойство, что много лишнего... Жизнь кончается, а многого, что хотел, не сделал... Жизнь ушла на что-то лишнее. Точка-то отсчета у каждого своя. Как бы со стороны ни казалось, что ты – величина, а сам-то себе цену лучше знаешь...

Диоген утверждал, что простая жизнь необходима для добродетели, поэтому он, мол, и живет в бочке. На самом деле Диоген, конечно, хотел жить не только ради добродетели – в своем доме-бочке он жил предельно простой жизнью. Это позволяло ему яснее осознать, как жить, что в целом он

и называл добродетелью.

Как приходят в голову эти самые открытия-осознания? Кому-то надо залезть в бочку, как Диогену, а кому-то (например, художнику) – начать просто обдумывать тему.

«Вначале, – рассказывает художник Юрий Сергеев, – мне просто хотелось написать картину про русскую картошку, как ее пекут и едят с большим аппетитом. Мне хотелось показать поэзию такой еды. Видите, с каким удовольствием девушка отщипывает печеную картошечку... Это традиционно русская тема, которая почему-то не привлекла внимание художников. Мне хотелось сделать так, чтобы это было настолько же увлекательно, как в жизни, когда русскую картошку у нас повсеместно пекут в костре и едят. Это же привычное у нас и довольно распространенное приятное занятие. Сама мысль об этом у многих вызывает предвкушение удовольствия.

Но когда уже нарисовал, стали всплывать названия более обобщенные, более философские: «Что такое счастье», «Мирная жизнь», «Простая жизнь». То есть я почувствовал, что в таком простом занятии кроется что-то глубокое. Потому что тема вроде будничная, событие простое, житейское, но за ним стоит нечто большее. Что именно? Может быть, то, что это Родина, что мы у себя на своей земле, что хорошо вот так вот быть дома, да еще на природе, когда вокруг такие просторы, такая красота. Хотя, казалось бы, что тут значительного? Перед нами сидит простой пастух, он живет про-

стой бесхитростной жизнью, ничем не выделяется. Да, он хорошо знает свое дело, хорошо его делает, никого не предает, никуда не уезжает и не собирается уезжать. Как говорят, где родился, там и пригодился. Но вот, пожалуй, и все. И в то же время в этой простой жизни что-то есть: своя тайна, своя магия». Художник прав, тайна действительно есть. В первую очередь – это **неспешность**. На картине никто никуда не бежит, не летит, не торопится, как сейчас большинство людей. Уже хотя бы только этим интересна простая жизнь. Она дает возможность остановиться и задуматься: как мы живем, куда бежим, а надо ли бежать дальше... Скорость жизни вроде бы помогает нам много успеть сделать, но заставляет за это платить слишком дорогую цену – обесцвечивает жизнь, размывает границы, разрушает вкус к простым явлениям жизни: восходу и закату солнца, дождю, деревьям, цветам, улыбке другого человека... То есть **скорость просто уничтожает, похищает у нас вкус к жизни**, мы перестаем ценить жизнь и утрачиваем способность радоваться самым простым радостям, тому, чему искренне радуются дети.

Во-вторых (и об этом мало кто задумывается), в простой жизни всегда заложены **архетипы привычных действий**, которые совершали люди с древнейших времен и которые с тех пор дошли до нас в неизменном виде: просто сидеть у костра, собирать дрова, хворост, ломать ветки об колено, подбрасывать в костер сучья и полешки, что-то готовить, разговаривать или просто молчать.

Скажем, мальчишка слева ломает об коленку хворост для костра. Это архидревнее движение, хорошо знакомое людям с каменного века. Все поколения людей ломали палки и ветки об коленку. Позднее и мечи переламаывали о колено – чтобы устыдить воина, струсившего на поле боя.

Или дед в центре картины: сидит в позе пожившего на свете человека, умудренного жизнью. Соединил пальцы друг с другом, это ему, наверное, помогает вспоминать. Поза воспоминаний. Может быть, он думает: «Сколько раз вот так я у костра сидел...» Это его ежедневное занятие, своего рода священнодействие, обряд. С вечностью архетипы соединяло гипнотическое действие природы: горение костра, течение реки, вытекание воды из емкости. Как у А.С. Пушкина: «Дева, над вечной струей, вечно печальна сидит». Здесь нет времени, и человек в таком процессе навеки застывает, как муравей в отвердевшей смоле, ставшей янтарем...

Эти архетипы действий были не просто частью простой жизни, но они закрепляли духовные ценности, которые накапливал человек: веру, надежду, доброту, смирение. А мы удивляемся: почему сейчас падение нравов, почему из общества уходит духовность. Да потому что простые великие истины, будь они хоть тысячу раз отображены человечеством как ценности, как ориентиры, которым надо следовать, в нас не держатся, высыпаясь, как из дырявого решета. У нас очень много дел, очень много слов, очень много намерений. Жизнь на скорости перемалывает все это в мешанину – где тут разо-

братъ: что важно, что неважно... Шанс что-то понять – время от времени останавливаться и раскладывать все по полочкам. Возвращаться не только к прежнему себе, но и дальше, в глубь веков, к своим предкам, от сложности к простоте. К тому же, например, сидению у костра.

Картина тысячелетней давности. Под одним и те же небом, одними и теми же звездами люди тысячелетия вот так же вот, как на картине Ю. Сергеева «Простая жизнь», сидят у костра, ломают хворост, готовят себе еду, общаются. Это уже обряд, причем классический обряд еды, общения.

Огонь – великое явление жизни. Наверное, как только научился человек использовать огонь, то сразу и возникли посиделки у костра. Вначале, еще до еды, до догадки, что можно поджаривать пищу, это была просто защита от холода. Но уже тогда, наверное, человек почувствовал, что с ним что-то происходит помимо согревания: незаметное подпадание под власть огня, под его магическое воздействие. Это было открытие магии огня. **А потом уже огонь поднял человека над всем животным миром, включив в нем духовное начало.**

Это начало оживает еще и потому, что каждый из нас несет в себе гены первого человека на земле и всех последующих, которые в окружении неизменных **архетипов природы** (поле, река, лес, луг) и привычных **архетипов действий** (косьба, собирание ягод и грибов, рыбная ловля, сидение у костра) пробуждают генную энергию – приходит ощу-

щение, что мир велик и чудесен, вся жизнь еще впереди и столько еще значительного можно сделать... Это ощущение дарит **живой огонь**.

Именно огонь определил развитие человечества, выделение его из животного мира, поставил его выше всех. Огонь, которого наши предки вначале боялись, а потом открыли в нем божественное начало, стали обожествлять. И тогда он вспыхнул внутри человека, в его сердце, рассыпая искры творчества. Конечно, это произошло не сразу. Огонь рядом, лицезрение его, вдыхание дыма от костра – все это уже сложившийся за тысячи лет ритуал, обряд, ставший вечным спутником человека.

А мы, современные люди, часто ли мы пользуемся живым огнем? Разве что когда зажигаем газовую плиту, газовую колонку (у кого она есть), закуриваем. Только разжигание огня здесь уже не походит на тот священный и торжественный обряд, который был в древности. Живой огонь стал для нас частью материальной жизни, мы перевели его из чудесного в обыденное явление, не понимая, что, **лишив огонь духовной природы, мы лишаем духовности себя**.

Современные последователи простой жизни, например духоборы, до сих пор живущие общинами по всему миру, сознательно отказываясь от электричества, максимально сохраняют свое соприкосновение с живым огнем. Они жгут лучины, свечи, сидят у костра, готовят на нем пищу. А мы, городские жители, встречаемся с живым огнем все реже: ис-

пользуем свечи, когда у нас отключают электроэнергию или, что еще реже, когда хотим устроить волшебный ужин при свечах; зажигаем свечи в храме и стоим рядом со свечами и лампадками у икон; разводим костер, когда выезжаем на природу; молнии видим только во время грозы. Тем самым **мы все больше сужаем свое общение с живым огнем**, которой когда-то включил в нас духовные центры, пробудил веру в духовность окружающего мира.

Не случайно костер и человек у костра – это целая тема в искусстве, **тема всех времен...** как в живописи, так и в художественной литературе. У И. С. Тургенева, например, в рассказах и романах. Или на картине В. Перова «Охотники на привале». Потому что простое сидение человека у костра тормозит, останавливает его суетный бег по жизни. Потому что только когда уже никуда не надо бежать, он может ответить на вечные вопросы бытия. А если не ответить, то хотя бы задуматься над ними... И тут неважно имущественное или социальное положение человека в обществе – все у костра оказываются как бы без социальной одежды, без имущества, без титулов и заслуг... Как есть, весь как на ладони. И только тут можно спросить: а ты счастлив?

Персонажи у костра – традиционные: обязательно старшее поколение, которому есть что рассказать, и молодое, которому есть что послушать... И каждое поколение, как каждый возраст, несет свой мир, которые, сталкиваясь, обогащают друг друга.

Здесь три возраста: мальчишка, девушка, дедушка. Три границы. Три опыта жизни. Дед думает: «Как быстро жизнь промчалась: был мальчишкой – и вот, не успел оглянуться, как уже дед. А-а, вот в чем дело: меня спрашивают как деда, вот я и дед. Когда мы мудреем? Может, именно в тот момент, когда рядом дети, два возраста. А до этого был мальчишкой. И сидел бы сейчас у костра состарившийся ребенок. Так и с каждым из нас. Любой старик – ребенок. Как говорила Раневская: «Смешно, я уже старуха. А мне всего восемнадцать лет...» Да, не было бы рядом внуков, то сидел бы просто пожилой пастушок Колька и думал: сейчас загоню коров и пойду порыбачу на закате...»

Дед держит в руке несколько веточек рябинки. Девочка, его внучка, набрала их как букет, как цветы, и дала ему, а он говорит:

– *Зачем сорвала? Для рябины еще рано, она неспелая...*

– *Дед, это я не ягоды сорвала, а букет...*

– *Ну да, ты девка, для вас это баловство... Мы-то рябину собираем не как букет, а для засолки, мариновки, чтоб мочить, сушить для чая...*

Поговорили, и вот он так держит этот рябиновый букетик и думает:

– *«Да, баловство... а вот без баловства не проживешь...»*

И тут он что-то начинает вспоминать. Может быть, свою первую любовь. Несчастливую. И как бы говорит себе: «Ведь сколько лет я за Марьей ходил, ходил. А потом думал:

зачем ходил, ведь не любила! Третью жизнь потратил: все ходил, цветы дарил, все крыльцо обтоптал и тропинку. А она все равно – как не любила, так и не полюбила! До сих пор вспомнить обидно... Прибежишь за двадцать километров, а она: «Чего прибежал? Чего ты бегаешь?» А сама, наверное, хотела сказать: «Я тебя видеть не могу...» А я так и не мог ей сказать: люблю... Мне мать говорила: «Оставь ее, видишь – не любит тебя. Ты мужик или кто? У тебя забор сломанный, а ты все свободное время к ней... За двадцать километров туда-обратно мотаешься. Да и Алексей, смотри: он тебя встретит, морду-то начистит». Опять пошел... И зачем вообще люди вот так мучают друг друга? Вон, соседи у меня, Петр с Татьяной, живут уже пятьдесят лет вместе и поедом едят друг друга. И не задаст каждый из них себе вопрос: а зачем мне это нужно?... А ведь как он ее в молодости добивался! И как она сопротивлялась! А как поженились – сразу начали воевать. И разойтись не могут...

Сложная штука жизнь, не простая... **Лишнее, да, а как без этого лишнего проживешь...** С виду-то кажется, что так проще, так лучше, а жизнь иначе все расставляет... Хотя, если разобраться, сами себе придумываем разные сложности. Даже понимая это... Значит, эти сложности нам нужны... Как и мне тогда – влюбился и ходил пять лет...»

А девчушка видит, как он теребит букет рябинок в руках,

и, смущенно улыбаясь, спрашивает его:

– Дед, а ты со своей первой девушкой как познакомился?

Он задумывается и начинает рассказывать...

– Да вот, Настя, так же вот за картошкой сидели. Я и не знал, как с ней заговорить. Сидим вот так, печем картошку. Что ей сказать? У меня язык к горлу прилип, спина вся мокрая, не знаю, чего сказать, е-мое. Сказать: не горячо тебе картошку-то колупать? Так глупо. Скажет: «Дурак какой-то. Сам не видишь, что горячо, раз дую?» Так вот целый час все думал, что ей сказать.

Иногда жизнь открывается как истина на ладони

– А ты бы ее спросил: «Вкусная картошка-то?»

– Да мне-то это как в голову-то не пришло. Действительно, как просто-то! Чего я у нее это не спросил? Ей было бы приятно. Она бы сказала: «Да, конечно...»

Приятный такой разговор у внучки с дедом. Как всегда, говорят на тему любви. Она спрашивает, а он отвечает. Обычно-то он как старший подтрунивает над ней на тему, что ей кто-то нравится, есть ли у нее жених... А она стесняется, поэтому старается сама побольше расспросить.

А мальчишке стыдно все это слушать. И хочется, и стыдно. И он специально хворостом щелкает, чтобы не думали, что он слушает... Тем более что дед его уже раз спросил: «Сережка, а девчонка-то есть у тебя?» И он тоже, как и сестра, засмутился и не знал, что ответить.

Последние дни лета. Рябина уже красная. Корова еще ест сочные травы. И уже можно картошку печь на костре. Когда уже не жарко, а прохладно. И под эту картошку – все удовольствия. И такие воспоминания всплывают...

Хотя самого деда не раскачаешь на разговор. Он все больше молчит. Пастухи вообще не очень разговорчивые. Внучка целый год к нему приставала:

– Дед, расскажи, как ты за Марьей за двадцать километров бегал...

– Да отвяжись ты, прилипало. Не хочу я рассказывать!

– А чего тогда не бросил? Чего тогда бегал?

– Чего бегал, чего бегал... Пристала...

Дед ворчит, но добродушно. Девчонка растревожила его,

заставила окунуться в прошлое, растормошила... Он уже и думать забыл о тех чувствах, а тут все опять... как заново...

А девчонка думает про себя: *«Поняла, почему Мишка ко мне ходит, – потому что любит. Я-то думала, он просто дурак. Мне-то он не нравится, неужели непонятно? А он, оказывается, любит...»*

В простой жизни люди, как планеты, движутся по своим привычным орбитам, ничего не съезжает и не наезжает друг на друга. И в определенное время планеты сближаются, как вот теперь, и все становится близким, ясным и понятным.

Простая жизнь, простая пища, поле, лес, трава – как тысячи лет назад... И такое же небо, те же облака... И такой же костер и хруст ломаемого хвороста... Неизменные на протяжении тысячелетий ощущения. **И тогда вдруг в обыденном и будничном видится великое и значительное.** Вот пастух у костра и увидел всю свою жизнь: как она сложилась и как могла повернуться... По сути, к этому же приводит храм. Когда Человек приходит туда, все суетные мысли оставляет. И тогда он вспоминает о самом главном, о высоком, о своей жизни. Вспоминает о главном. А когда человек по жизни бежит, ничего не помнит. Суета сует. Где еще мы можем возвращаться к смыслу жизни? В реанимации. В храме. На кладбище. При крещении. Когда кто-то приезжает, уезжает. Когда свадьба, отъезд, потери.

Всем нам не хватает такой вот простой жизни. Поэтому надо чаще (или хотя бы изредка) выезжать на природу, на

дачу. Если в гости зовут за город, ехать, чтоб походить по этим перелескам, вдоль реки, по полю, выйти к стаду, корову потрогать за мокрый нос, найти в лесу какую-нибудь одичавшую яблоню... Дикое яблочко горькое и кислое, но какие оттенки вкуса... А запах костра, запах печеной картошки...

В городе сейчас близкие люди могут жить рядом, а встречаются редко. Деду или бабушке с внуками некогда пойти погулять... Не по пыльному городу, а по лесу. По природе... Посидеть у костра, испечь простую картошку... Может, за свои пять-шесть лет городской ребенок многое из этого впервые увидит и почувствует... Поломает хворост для костра. Веточкой вытащит испекшуюся картофелину, обжигаясь и дуя на пальцы, начнет ее чистить. Потом, держа ее на ладошке, повернется к деду: *«Дед, слышишь, как пахнет костром, огнем... Какой запах...»*

Простые вещи

Однажды художник насыпал муку на стол, чтобы что-то испечь, и вдруг удивился: в муке как будто не было объема и веса, будто это было облако. И от светящейся муки засветилось и все остальное: кувшин, сито, совочек, скалка. И он подумал: это предметы Бога, из которых можно сделать чудо (и женщина делает чудо из чего угодно, если делает с любовью). Перед сотворением мира точно так же, наверное, светилась мука **Бога – первоглина.**

Современные эзотерики нашли бы сейчас научное и вполне материальное объяснение свечению муки... Мол, с одной стороны, просеивая муку в сите, мы совершаем однообразные круговые движения, которые при пересечении магнитных силовых линий пространства (такие линии есть везде) генерируют слабый электрический ток. С другой стороны, когда **мы пользуемся одними и те же привычными вещами, совершаем с ними одни и те же привычные движения**, то есть как бы замыкаем их в одну и ту же невидимую цепь обряда, **возникает дополнительная энергия.** И с третьей, мука, просыпаясь сквозь сито, образует идеальную энергетическую форму – конус, а в конусе, как и в пирамиде, энергия так ровно и гармонично распределяется в трехмерном пространстве, что вещество, подпитываемое созданным током и **энергией обряда**, начинает светиться.

Но есть и духовное объяснение. Свет есть любовь. И если мука наполнена светом – она наполнена любовью. Делая что-то с любовью, мы вносим в делаемое свет. **Все, что делается с любовью, становится духовным, божественным,** потому что Бог есть свет и Бог есть любовь. Все, что становится потом духовным, светится. Дети часто такое видят. Это чисто детские воспоминания... Утро, еще прохладно, ожидание чего-то вкусного... На столе мука горкой, которая образовалась после просеивания. От нее идет сияние. А в крынке – творог. Бабушка будет что-то печь. Может быть, ватрушки, может быть, сочни...

Ю. Сергеев. «Простые вещи»

У каждой эпохи свои простые вещи

Есть два подхода к приготовлению пищи, два восприятия этого процесса. Одна хозяйка перед мукой стоит мрачная: вот, мол, зараза, опять тесто надо месить, ватрушки эти печь, чтоб их... чего тут радоваться – ничего интересного. Она будто постылую повинность отбывает. А другая, наоборот, радуется: вечером тесто поставлю, утром буду печь пироги – праздник! То есть если первой хозяйке никто не потрудились привить вкус к жизни, **умение извлекать радость из самых простых вещей** и действий, то второй хозяйке этот вкус привили, в том числе и вкус к стряпанию, **поставили**

ВЗГЛЯД-ЛЮБОВЬ, открыли ей тайну, состоящую в том, что работа с мукой, а потом с тестом – это прикосновение к чему-то святому, высокому, светлому, замечательному. А мука – это материал бытия, материал Бога, из него можно творить чудеса.

Простая вещь как дверца к источнику энергии

Вкус к простым вещам не везде прививается. И не всегда. И только сейчас мы начинаем все больше ценить простые вещи (то есть сделанные не на машине, а вручную, и не из заменителей, а из настоящих природных материалов, и не из кусочков – из цельного куска), стараемся есть натуральные продукты без генетических добавок, спать на простых деревянных кроватях, пахнущих сосной, не гладить постельное белье, потому что, заглаженное утюгом, оно не дышит.

Простые вещи создаются естественно, как бы сами собой, то есть **без спешки, без экономии времени, спокойно и последовательно**, одними и теми же движениями, как делали деды и прадеды, как высыпается мука сквозь сито. И **через эту преемственность, через суммирование движений всех наших предков** (ведь они те же самые) **нарабатывается духовность**, вещь уже готова обрести душу. Дети следят за этими движениями, как птенцы следят за взмахами крыльев родителей, и запоминают их, чтобы потом тоже делать **простые вещи – те самые, которые будут держать жизнь**. Как незримо держит на своих плечах жизнь неспешный, разумный и доброжелательный человек.

Да, **вещь готова обрести душу** (простые движения создали для нее форму), **но как?** Играет роль диалог с материалом, который всегда идет у хорошего мастера. Например, гончар А. Бойко из подмосковного Боровска, делает сви-стульки и играет на них у стен Пафнутьевского монастыря.

Вылепливая каждую свистульку, он ведет диалог с глиной, разминая ее каждый раз по-новому, прислушиваясь к ней сердцем. Зато и каждая его свистулька неповторима: и внешне все разные, и отверстия разные, и расположены по-разному, так что и звук извлекается разный.

Все можно усложнить... чтобы потом упростить

**Простые вещи не становятся лишними, как эта го-
ра**

Созданное же на конвейере, на скорости – бездушно, а энергетика в таких вещах, если и есть, то она непредсказуема и недобра.

Когда материал, с которым работаем, мы питаем своими светлыми мыслями, он сам потом начинает излучать свет (отражая наш свет) – идеальный диалог мастера с материалом.

Когда мука, наполняясь светом в руках хозяйки, начинает с ней общаться, пирог зависит только от нее, от ее золотых рук. **Мука – живая** и все время меняется в зависимости от

настроения человека. Простые вещи, пока в них не разрушена структура (а разрушается она при воздействии на гены, при перемалывании, при облучении), способны вести с нами диалог, принимать свет (любовь) и отдавать его.

Появляется все больше людей, живущих в техногенной среде, но желающих жить первичной жизнью, то есть многое делать вручную: пахать на лошадях, косить, пилить, стругать, молотить. Замечено на опыте, что нарезанное вручную вкуснее. Даже черствый хлеб, нарезанный тонко-тонко.

И все больше мужчин любят готовить – со временем открывают для себя, что из простых продуктов может непредсказуемо получаться что-то вкусное. Механическая работа внешне действительно кажется тупой и совершенно неинтересной. Однако если сравнивать однообразные механические повторяющиеся движения (например, движения рук при разминании теста) с движением проводника в магнитном поле, в результате чего в проводнике наводится электрический ток, то и **в однообразии и повторях обнаруживается свой великий смысл**. Так что и толчение воды в ступе, считавшееся до недавних пор символом бессмысленности действий, теперь кажется не таким уж и бестолковым...

Радость бытия будет в нас преобладать над унынием, если каждому поставить **правильный взгляд на простые вещи как на возможность чуда**. Чтобы человек вместо тяги к иностранному или недостижимому восхищался тем, что рядом. Как восхитился один московский профессор в дерев-

не, увидев в дровах необычную щепочку, похожую на старичка. Вернувшись в Москву, он поставил эту щепочку к себе на подоконник возле своей кровати, каждое утро радуясь своей находке. И его можно понять – в городе простых вещей, почитай, и нет уже: кругом все больше готовое и купленное. А вот чтоб человек что-то сделал своими руками...

Простое по сути всегда оказывается самым важным и делается просто. Это подметил еще Гераклит (544–483 год до нашей эры), а талантливо обосновал Лев Толстой: *«Люди, занятые важным делом, как правило, просты, потому что у них нет времени придумывать лишнее».*

«Стремление к простоте жизни, – говорил писатель Михаил Пришвин, – это свойство сложных душ».

Простое – это высокая мудрость бытия. Мудрый человек всегда благодарен Богу за то, что ему дано, и потому не возноится, а внешне кажется очень простым. Гениальное всегда просто. И простое – от Бога. Потому и говорят, **что при свете все самое сложное кажется простым.**

«Всем известно, что слово «naturmort» означает «тихая жизнь» (простых предметов), – говорит художник Юрий Сергеев, – Но в простом и будничном художники стремились увидеть вечное, смысл бытия. Европейцы видели в этом смысле суету и бренность жизни. А мне хочется видеть другое: радость бытия, свет, идущий из будущего...

Простая вещь, клубок ниток, но это и клубок жизни

Простая еда

Всегда были на земле люди, которые искали первооснову. Кто-то – в словах: мол, скажешь заветное слово – и все сразу станут счастливыми. Кто-то – в растениях: Гете (1749–1832), например, искал такое растение, которое было бы первичным. Кто-то – в строении вещества: Демокрит (460–370 год до нашей эры), например, открыл, что мельчайшая частица – атом.

А в еде – есть ли такая пища, которую можно считать первичной?

Для деревенского жителя первичным является то, что он называет «едой». Скажем, мармелад, зефир, пряники, печенье, творожные сырки, кусочек ветчины – еда? Нет, с точки зрения крестьянина – не еда, баловство. Сладкие блюда на Руси как раз и считали баловством и именовали «заедками», к которым относили все любимые сладости: мед, леденцы, варенья, кисели, пряники, сладкие пироги, орехи и фрукты. А вот каша – это еда, картошка – еда, горох – еда, гречка – еда, хлеб – тоже еда. То есть простая еда – это то, что не баловство, **то, что ты, будучи сытым, уже есть не будешь.** Или, другими словами, простая еда – это то, без чего человек не выживет. Без мармелада и зефира выживет, а без хлеба – нет. Если есть вода и хлеб, можно прожить много лет.

Ю. Сергеев. «Простая еда»

Вон у нас старцы-отшельники в скитах ели только хлеб, запивая его водой. Все. А жили до глубокой старости.

Моему другу художнику Юрию Сергееву хотелось нарисовать такую картину, чтобы у любого русского человека возникло приятное чувство чего-то родного, именно нашего, русского, связанного с едой. Вот и получилась простая еда, которая всем желанна. И никаких тут тебе деликатесов. Даже без подсолнечного масла. Это сейчас мы картошку большей частью с маслом едим, а раньше им еду сдабривали только в праздники. Не по бедности, а потому что и так было вкусно. И из посуды для такой еды подходит больше простая миска, нежели изысканная тарелка...

«Один мой деревенский знакомый, Валерий Семеныч Ширшиков, дал мне такой рецепт, который, как он сказал, до-

шел до нас с далеких времен. — рассказывает художник. — Берешь буханку черствого черного хлеба, нарезаешь, натираешь каждый кусок со всех сторон чесноком так, чтоб жегся, и ешь, запивая ледяным молоком из глиняной кружки. Горящее от чеснока небо гасится холодным молоком.

И еще один всем известный рецепт, уже с подсолнечным маслом. Некоторые называют это блюдо тюрей. Надо взять черствый черный хлеб, нарезать его сантиметровыми кубиками. Измельчить репчатый лук, 3-4 головки. Все это покруче посолить. Уложить в кастрюлю с крышкой, залить подсолнечным маслом (0,5 бутылки) и как следует (подольше) потрясти, перемешивая. И давать пробовать гостям, каждому не больше столовой ложки. После этого все требуют добавки, даже те, кто вначале иронизировал и отказывался. Мало того, начинают есть прямо из кастрюли — настолько им это кажется вкусным. Видимо, эти продукты (черный хлеб с луком) хорошо друг с другом совмещаются. Хотя, с другой стороны, в деревне крестьяне всегда ели большей частью все отдельно: вареную свеклу, молоко, огурцы, лук, яйца... Модное сейчас раздельное питание — это хорошо забытое старое, как заново открытое колесо».

Юра прав: простая еда, отобранная временем, дошла до нас с древнейших времен. Возьмем хлеб с луком (или с чесноком) — эту пищу ели еще строители египетских пирамид... На Руси же, возможно, самым древним и простым продук-

том считалась репа, раз до наших дней докатилась поговорка «проще пареной репы». Репу и сырую ели, и мороженую, и моченую, и пареную, и варенную в меду, и приготовленную еще десятком самых разных способов...

Простая еда – это то, что никогда не надоедает (когда ты хочешь есть). Но это уже зависит от программы, которая у нас в мозгу. Японец, например, наверное, будет есть сырые морепродукты (рыбу, крабов, мидии) и останется доволен. Некоторые мастера восточных единоборств (теквондо, ушу, кекусинкай, айкидо) в Китае довольствуются в день одной чашкой квашеных овощей (капусты, перца, моркови). А русскому нужна каша, причем не рисовая, а гречневая.

А с другой стороны, дело не только в привычке. Коровам, например, дают траву, к которой они не привыкли. Они ее не едят. Тогда применяют генную инженерию: берут гены другой, привычной коровам травы и внедряют их в клетки незнакомой. Коровы начинают эту привитую траву есть.

Уникальность простой еды в том, что она – то, что уже не хочешь, когда сыт. То есть она – критерий истинности, естественности наших желаний. Недаром говорят: *«Прост как правда»*. И если наши желания в еде теряют естественность, то есть мы начинаем придумывать, что бы нам такое съесть, когда простую еду уже не хочется, **значит, мы уже не едим, чтобы жить, а живем, чтобы есть.**

Мы пытаемся делать вид, что едим меньше: покупаем микропомидоры, микробананы и микропирожные. Много

потреблять уже не модно и даже несколько стыдно. Уменьшая размеры продуктов, мы делаем вид, что и не едим, а балуемся, играем в еду. Да и все диеты – разве это не игра в еду?

Но по большому счету, манипулирование с продуктами – это от лукавого. Это значит – человек не погружен в любимое дело, живет не на уровне своего предназначения (**когда ешь, чтобы жить, а не живешь, чтобы есть**), а вполне, в свое удовольствие, развлекаясь пищей. **А жить только в свое удовольствие грешно.**

Борщ – самое популярное у нас первое блюдо

Немецкий философ Иммануил Кант (1724–1804), автор «Критики чистого разума», разделял человеческие чувства

на высшие (осознание, зрение, слух) и низшие (обоняние, вкус). Наверное, поэтому излишнее внимание к еде вызывало у него раздражение. Во всяком случае, сам он ел всего лишь раз в день, отдавая предпочтение привычным блюдам, а в своих трактатах доказывал бесполезность и низость пышных застолий, подчеркивая, что праздность в питании – это исключительно животная черта, которая не должна быть присуща мыслящему человеку.

Мы сейчас себя все время обманываем, в том числе и в еде. Начинаем вкус одних продуктов придавать другим: помидорам – вкус курицы или рыбы, огурцам – вкус арбуза или яблока. Это тоже все от лукавого, и в этом – гибель человечества. Как погиб Древний Рим, уже не знавший, как еще извратиться в приготовлении пищи. На пирах древнеримских патрициев были блюда, состоявшие из сотен разных продуктов. Причем чем сложнее, противоречивее были сочетания продуктов, тем большее одобрение такие блюда получали: римляне ценили все, что могло доставить им новые ощущения, новые удовольствия.

Многоплановая еда – это праздный бег по информации, по разным продуктам: глазами, зубами, ушами (разный звук от прикусывания), носом, вкусовыми рецепторами языка. Вообще получается, что человечество все больше разбивает свое восприятие (и свою жизнь тоже) на фрагменты.

Почему себя комфортно чувствуют монахи, которые живут в скиту, едят только хлеб и пьют только простую воду?

Они получают удовольствие от этой воды и хлеба, потому что мозг не бежит, сосредоточен на одном и извлекает из этого одного целую радугу. **Потому что в каждом однообразии – бесконечное разнообразие**, множество тончайших оттенков. И если человек ушел в скит, чтобы утончить душу, ему надо как раз спастись от обилия информации. А за богатым столом, полным разных продуктов, он вынужден защищаться от этого изобилия.

Простая еда, простая вещь, простой дом, простой человек – все это то, что без излишеств. Излишества, наверное, нужны, но как приправа, как горчица, соль и перец. Но преобладать должна простота, как нечто устойчивое, прочное, как каркас дома.

Отход от простоты губелен. Потому что и так, чтобы выжить на планете, чтобы не уничтожить ее, нам надо напрягаться. И при этом напряжении уже не до сложностей. А мы пускаемся на сложные уловки, не думая о том, что тем самым умножаем проблемы нашего выживания. Любая технология энергоемка, то есть любое превращение одного вещества в другое требует энергии. А где ее взять? Разрабатывать недра. Что мы и делаем.

Тем, кто это осознает, не до сложной пищи. С другой стороны, простая пища и мыслить заставляет просто и ясно. Сложная пища и мыслить заставляет сложно и туманно. Говорят же йоги: мы – то, что мы едим. То есть образ наших мыслей определяет наша пища. К такому же выводу пришел

французский писатель Жан Антельм Брилья-Саварен в начале XIX века, который в своем трактате о еде «Физиология вкуса» написал: «Скажи мне, как ты питаешься, и я скажу, какой ты человек». И вообще, еда, как имидж, с древнейших времен характеризует человека. Не случайно французов до сих пор шутливо называют лягушатниками, украинцев – салоедами, белорусов – бульбашами, а итальянцев – макаронниками.

Сложность ослабляет тягу к жизни. Когда у нас все основательно, нам хочется жить. Ощущение незыблемых ценностей более прочное, ясное. Ясность в голове – что для чего надо. При сложной пище в мозг идут сложные сигналы, организм вырабатывает сложные ферменты (мозг в этом случае буквально в панике, не зная, что выделять), потому, наверное, соусы разные придумали: с уксусом и с майонезом, чтобы в одном случае создавать преимущественно кислую среду или щелочную. Но в целом от сложной пищи и в голове все усложняется. Как с вестибулярным аппаратом: при смещении понятий в голове (у пьяного, например) нарушается и чувство равновесия. Так и с волей к жизни.

У каждого из нас есть своя простая еда, которая нам нужна. Если для русского человека «щи да каша – пища наша», то что же ближе нам?

Когда ничего нет или некогда, спасает яичница

В поисках смысла

Что для каждого из нас слово? Для многих – ничего особенного, потому что десятки и тысячи слов мы используем всуе, то есть по самым ничтожным поводам. И если нам сказать, что, наполняя слова мусором, мы низводим до нуля силу, от которой падали стены городов и разверзалось море, то мы этому просто не поверим. И это логично – если от слова падали стены раньше, то должны падать и сейчас. А раз не падают, значит, сейчас, в наше время, ничего в словах нет...

Действительно, бесполезно искать доказательства мощи слова в мире, разве что через магию, но и магия уже как бы не мир, а запредельность. **В мире же все стало слишком материальным, чтобы слово вдруг могло проявить свою духовную мощь.** С какой стати, если для проявления этой мощи нужно многое: и среда, и люди, и характер их действий, и соответствующее Слово...

Тем не менее и в мире некоторые слова еще работают. Несмотря на изменение окружающей среды. Японский ученый Масару Эмото проводил опыты с водой, воздействуя на ее структуру произнесением тех или иных слов. При этом от слов «любовь», «красота», «мир», «радость», «истина» и подобных вода структурировалась таким образом, так, что ее молекулы приобретали вид красивых гармоничных узоров. И, наоборот, от слов негативного характера на снимках

структуры воды рисунки были хаотичные, резкие, с рваными краями. А ведь не только масса живых существ и растений, но и наше тело на большую часть состоит из воды...

Но самая благоприятная среда для Слова в храмах или монастырях. Она здесь, очищенная божественным Словом, как родниковая вода. Поэтому и тянутся сюда люди. Поэтому здесь еще происходят чудеса: плачут иконы, исцеляются люди, чудесным образом преображается жизнь... Каждый приходит в монастырь со своим характером, со своими проблемами, со своей биографией, разной и зачастую неудачной – а иначе зачем бы человек пришел в монастырь? Но, придя сюда, каждый соприкасается с одним и тем же – Божественным Словом, то есть со Светом, который постепенно наполняет и его.

Божественное слово, как крещенская вода, восстанавливает наш духовный иммунитет, вырабатывает неприятие ко всяким мерзостям, становится нашим другом в борьбе с ними. Единственное, что от нас здесь требуется, – это просто **пропускать Божественное слово через себя**, не мешать ему.

Ю. Сергеев. «В поисках смысла»

Что значит не мешать? Это значит не думать над ним, не сомневаться в нем, не засорять его собственными суетными мыслями и ощущениями. Вот это как раз и трудно, потому что в нашей повседневной мирской жизни мы постоянно все критикуем, осуждаем, суем во все нос, все обдумываем и осмысливаем.

Божественное Слово – это Евангелие, которое в миру мы открываем раз в год или еще реже, а в монастыре его читают каждый день по несколько раз. Как это происходит на картине художника Юрия Сергеева «В поисках смысла». Три по-

коления монахинь (девушка, женщина и старушка) держат в руках Евангелие. И в поведении каждой можно увидеть степень восприятия Божественного слова в разном возрасте.

Юная монахиня (крайняя справа) еще не забыла соблазны мира. Любое проявление нежности или любви в Евангелии вызывает у нее близкие ассоциации, она вспоминает нежность в своей жизни. Руку холодит сорванная веточка рябины, а к щекам приливает кровь, и они розовеют.

И вдруг к ней приходит осознание: сколько светлых минут в жизни было отравлено суетностью, грубостью, черствостью, небрежением. Сколько обид, сколько глупости, сколько злости, сколько неприязни было... А из-за чего? Да просто так...

У нее лежит сейчас на коленях Евангелие с закладкой на странице, которая ее взволновала. Страницей, где в своем Втором Послании к римлянам апостол Павел говорит: *«Поэтому нет у тебя извинения, о человек судящий, кто бы ты ни был, ибо, судя другого, ты себя осуждаешь; ибо делаешь то же самое, ты, судящий...»*

И, держа эту книгу, она внезапно понимает, насколько в течение многих лет были у нее закрыты глаза на жизнь. Она была, эта жизнь, кипела, неслась мимо нее и увлекала с собой ее, но понимания, что происходит, не было. Оно и сейчас не пришло еще, это понимание, но на душе как-то стало спокойней. Стало ясно, что рано или поздно все откроется, все станет понятным, тогда жить будет светло и радостно. На-

до только, как говорит ее духовная наставница, верить, очищать свою душу от низких помыслов, и все придет. Очищать прежде всего свою душу, а не пытаться исправить других...

Женщина, стоя читающая Евангелие (крайняя слева), уже вступила в зрелый возраст. Она привыкла теперь каждый день соприкасаться с Божественным словом и отчетливо понимает, что и минуту такого общения жалко терять на воспоминания, впечатления, эмоции, понимает, насколько мелко и быстротечно все это, в то время как любое Слово Евангелия вечно, хотя, может быть, и не всегда понятно на первый взгляд.

С годами к ней пришло понимание, что и не надо понимать. Точнее, не надо понимать умом, постигать смысл читаемого. А надо просто принимать, вот именно – научиться принимать это к сердцу, чтобы оно, Слово Божие, стало своим. И все.

И она читает и читает Евангелие, и каждый раз ей кажется, что сегодня она еще хотя бы немного меньше станет оценивать, критиковать, осмысливать. «Будьте как трава, как птицы небесные...» – эти слова Христа все лучше ложатся ей на душу. Хотя в борьбе с этим критическим в себе она еще не исполнилась благодати. Но скоро она придет, эта благодать, обязательно придет...

А старая монахиня (сидя читает) давно уже вошла в ритм соприкосновения с Евангелием. Поработает руками в монастырском саду, в огороде – и почитает. Поработает – и по-

читает. И читает она уже истово, испытывая удовольствие от того, что Слова Писания проходят сквозь нее, как солнечные лучи. Вся душа прогревается.

И вошла уже в удивительный для себя ритм тела и души: тепло – холод, тепло – холод, тепло – холод. То есть поработает руками – тело нагреется, а душа охладится. Потом почитает Евангелие – душа нагреется, тело охладится.

Наверное, потому что от Божественного Слова взлетает душа в небесные сферы, где к ней сразу подлетают ангелы – помочь, указать путь... А тело, оно уже вроде и не нужно, без души оно холодеет. Говорим же мы, когда что-то нас восхищает или трогает до слез: *«Аж мороз по коже...»*

К тому же к прочитанным словам Священного Писания она время от времени добавляет какую-нибудь молитву, которую помнит наизусть, которая близка ей по ее жизни, по ее нраву. Чаще всего – к Пресвятой Богородице: *«Пресвятая Владычице моя Богородице, святыми Твоими и всесильными мольбами отведи от мене, смиренной рабы Твоей, уныние забвение, неразумие, нерадение и вся скверная, лукавая и хульная помышления от окаянного моего сердца и от помраченного ума моего. И избави мя от многих воспоминаний, и от всех действий злых свободи мя. Яко благословенна еси от всех родов, и славится пречестное имя Твое во веки веков. Аминь».*

И снова душа парит ее под небесами, а тело где-то теряется внизу...

Как будто только теперь осознала, сколько времени было потрачено зря. Как будто с каждым утекающим мгновением жизни из ее старческого тела ей добавляется духа, так что все цепче держат ее руки Книгу Бога, все ближе ей становится каждое Божественное Слово. А жизнь-то уже кончается...

Ну почему чем больше мы начинаем понимать в жизни, тем тоньше ниточка, на которой висит наша собственная жизнь? Ну почему нельзя с самого начала трудиться и читать Евангелие? Ведь в храмах и монастырях именно об этом говорят на исповеди батюшки всем прихожанам, именно об этом не устают напоминать в своих проповедях. А мы словно слепы и глухи. И в молодости говорим себе: неинтересно... А почему? Не потому ли, что в миру столько грязных слов пропускаем через себя? И слов, и мыслей. Просто не даем себе труда не пускать их в себя. Так откуда же Божественное Слово, чистое от грязи, покажется интересным? Если нет в нас самих чистоты, чем же откликаться на чистоту Евангелия?

МУДРОСТЬ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

В ПОИСКАХ СМЫСЛА

Одна из редких книг на эту тему

В мирской жизни людей слово большей частью угнетает и убивает, разрушает и разъединяет, опошляет и оподляет все и вся. Особенно сейчас, когда со всех сторон на нас льются потоки грязи. Когда везде человек предстает в своем худшем виде: предателем, подлецом, лжецом и даже маньяком-убийцей.

Так происходит потому, что люди хотят это слышать по радио, смотреть по телевизору.

Они хотят видеть падение себе подобных. Психологически это вполне понятно: когда кто-то оказывается хуже, чем ты, то тебе приятно, потому что ты сам возвышаешься. Но это дьявольское возвышение – радоваться падению других. **Бесовское слово наводит бесовскую суть в человеке.** Отсюда раздражение, агрессия, ненависть, раздоры, преступления, войны. А где же Божественное в нас? А оно не включилось, не включается.

А в монастыре наоборот, Слово созидает, утешает, боготворит. Божественное слово творит **Божественную суть в человеке.** Любой послушник (а перед тем как стать монахом, вы должны год побыть послушником), попав сюда, сразу получает в руки Евангелие и начинает работу со Словом. Именно работу. Над собой.

Проговариваешь Его, Божественное Слово и держишь се-

бя в руках, потому что оно держит тебя в строгости и порядке, в ясном понимании того, что тебе надо делать и что тебе нельзя делать.

Монахи раньше, еще в Средневековье, по многу раз переписывали Евангелие от руки, и это было как чистилище. Евангелие – это букварь, который ставит нам взгляд на добро и зло. Как умный учитель, то строгий, то мягкий, указывает, что есть что. Когда напрямую говорит словами Христа, даже упрекает: *«Имеющий уши да услышит!»*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.